

Валентин Пикуль

Не от крапивного семени

Часть сборника
*Тайный советник. Исторические
миниатюры*

Валентин Саввич Пикуль
Не от крапивного семени
Серия «Тайный советник», книга 34

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124920

*Пикуль В. Тайный советник. Исторические миниатюры: АСТ, Вече;
2001*

Аннотация

«...Впервые в зале русского суда услышали хрипловатый, чуть пришептывающий голос Плевако, произносившего слова присяги: «Творить суд по чистой совести, безо всякого в чью-либо пользу лицемерия и поступать во всем соответственно званию...» Звание адвокат (присяжного поверенного) появилось лишь в 1864 году, а до этого Русь тщетно искала справедливости у стряпчих и ходатаев, которых народ окрестил «крапивным семенем». Это было страшное неистребимое племя крючкотворцев и взяточников, а крапива, как известно, отлично приживается на заброшенных пустырях, ее сочная зелень благоденствует в тени гнилых заборов, наливается соками на помойках и кучах мусора...

– Но я не от крапивного семени! – говорил Плевако...»

Валентин Пикуль

Не от крапивного семени

Гродненские гусары квартировали в Лазенковских казармах Варшавы. Рано утром вернулся из города корнет Бартенев, на пороге комнаты офицеров он сорвал со своих плеч погоны:

– Все кончено! Я убил Маню Висновскую...

Кто спал, тех разбудили. Известие ошеломляющее. Висновская – знаменитая в Польше актриса, ей всего 28 лет, она в самом расцвете красоты и таланта. Не верилось!

– Вот и ключ, – сказал корнет Бартенев.

Этим ключом офицеры открыли двери в доме № 14 по Новоградской улице. На широкой турецкой тахте, плоско вытянувшись, лежала Висновская, в складках ее пеньюара атели раздавленные вишни, между ног были брошены две визитные карточки Бартенева. На одной из них рукою убитой написано по-польски: «Этот человек поступит справедливо, убивая меня... Жаль мне жизни и театра. Не играть мне больше любовью!» Много позже польский актер Людовик Сольский писал в мемуарах: «Все обаяние ее большого искусства одним выстрелом уничтожил гусарский корнет Бартенев. Почему она дала себя увлечь психопату? Разве у нее мало было поклонников?..»

Офицеры, подавленные, вернулись в казармы. Об увиден-

ном доложили командиру полка. Бартенеv подтвердил:

– Маня просила убить ее – я убил!

Командир Гродненского полка остался наедине с корнетом. Подумал. Затем, как бы нечаянно, выложил на стол револьвер:

– Осторожнее: он заряжен...

Сказал и вышел. Минут пятнадцать генерал терпеливо ожидал выстрела, который бы снял позорное пятно с полка. Но выстрела не последовало. Тогда он вернулся в кабинет и решительно убрал со стола револьвер.

– В таком случае вы арестованы...

На суде свидетель, актер Александр Мышуга в знак протеста отказался говорить по-русски, хотя, сам русин, владел языком достаточно хорошо. Напрасно он бравировал! Коллеги Висновской по сцене, все поляки, нисколько не желая выгораживать Бартенева, признались, что Висновская не раз предлагала им совместно принять яд, обещая блаженство любви в последние минуты жизни. Свидетели говорили, что игру на сцене Висновская продлевала и в жизни. Она играла до тех пор, пока не встретила гусара, который, не разгадав тонкостей ее натуры, буквально исполнил то, о чем она просила...

«Да, виновен!» – было определение суда.

Бартенеv получил восемь лет каторжных работ, позже решением кассационного суда его разжаловали в рядовые и он даже бывал в Варшаве, где его не раз видели на могиле Вис-

новской. Гусарского корнета защищал на суде Ф. Н. Плевако:
– Процесс был незначительным для меня, – говорил он.

«Московский златоуст» Федор Никифорович Плевако, или, как он себя называл, Плевако... А судьба ведь непростая! Его отец, польский революционер, был сослан в Сибирь, там он встретил калмычку, которая и родила ему сына. Ссылные поляки стали учителями маленького Феди; потом семья перебралась в Москву, где отец умер, а безграмотная мать пыталась пристроить сыночка в Коммерческое училище. Но мальчик был шумлив, непоседлив, да еще незаконнорожденный – пришлось забрать его домой и как следует высечь. С гимназией тоже не повезло: в пятом классе Федя совершил побег из карцера.

– В гимназию больше не пойду, – заявил он матери.

В бедности, близкой к нищенству, он самоучкой подготовил себя для университета, куда и поступил на юридический факультет. Наверное, в юном студенте со скуластым лицом было нечто привлекательное, ибо Плевако всегда был окружен товарищами, такими же, как и он, бедолагами, – вместе они грелись в храмах, отстаивая службы, гурьбой ходили по кладбищам Москвы, чтобы, проводив незнакомого покойника, насытиться кутьей на поминках... А что делать? Голод не тетка!

Уже тогда студент приноровился к московским нравам, к гуляньям и праздникам, полюбил сочную речь простона-

родья и церковных ораторов – Плевако вжился в быт Москвы, как природный москвич, и любви к Москве никогда уже не изменял. А на Арбатской площади были тогда портерная лавка, которую содержал безграмотный, но оборотистый Николай Иванович Пастухов – фигура колоритная, типично московская. Отодвинув стаканы, он корябал на прилавке заметки для газет – где пожар случился, где житья не стало от крыс и прочие новости. В писанине целовальника студент исправлял грамматические ошибки, и они подружились. Портерная стала для Феденьки приютом: здесь ел и пил, даже ночевал. Вскоре подвал на Арбате превратился в аудиторию студенческой бедноты; между прилавком и столиками будущие юристы разыгрывали драмы судебных процессов, а Плевако – в роли защитника – уже тогда покорял всех мощью убежденного красноречия... Но случилась в трактире драка студентов с извозчиками. Плевако был отлучен от университета, а Пастухов, потерпев убытки, начал писать роман о похождениях славного разбойника Чуркина.

– Куды ж теперь пойдешь, Федь? – спрашивал он.

– Да и сам не ведаю. Маменьки стыдно...

Плевако пристроился гувернером в одно семейство, отъезжавшее за границу. А времени в Европе даром не терял: посещая лекции немецких юристов, начал переводить популярное сочинение Г. Ф. Пухты о римском гражданском праве. Вернувшись в Москву, он решил рассчитаться с университетом. Профессор Никита Крылов требовал, чтобы на эк-

заменах студенты отвечали ему «по Крылову», а тут явился какой-то Плевако и ссылается на Пухту... В результате – провал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.